

За обеденным столом семья Тянь без конца благодарила его, повторяя, какая это была удача — встретить его в больнице.

— Это всё Тянь Хуэй, — искренне возразил Цзян Тинчжоу. — Она проделала потрясающую работу, её статья мне очень помогла. С её талантом она в любом случае добилась бы успеха, так что это мне следовало бы её благодарить.

Для самого Цзян Тинчжоу настоящим чудом было то, что в этой жизни он поступил иначе и приехал в больницу раньше. Пусть они познакомились совсем недавно, но за столом царило удивительное единодушие.

Отец семейства признался, что поначалу робел перед лауреатом Национального кулинарного конкурса: вдруг столичный шеф-повар побрезгует простой домашней стряпнёй? Но гость оказался на редкость простым, мягким и душевным собеседником, готовым поддержать любой разговор.

— Мясо для начинки я брал на старом рынке, — рассказывал хозяин дома. — Пришлось подняться ни свет ни заря, чтобы выбрать лучшие куски.

— А ведь фарш из «Мясной лавки Мэйхао», верно? — подхватил Цзян Тинчжоу. — У них отличный товар.

Он прекрасно помнил эту лавку. Туши туда привозили свежими, парными, а не заветренной заморозкой. Стоило такое мясо дороже, разбирали его мгновенно, но по нежности и вкусу оно было на голову выше любого другого в городе.

— Неужели даже это можно разобрать на вкус? — изумилась Тянь Хуэй.

Она, конечно, понимала, что перед ней профессионал, способный определить по вкусу, из какой части туши сделан фарш, но угадать конкретного мясника — это уже граничило с мистикой.

— Никакого волшебства, — вставил Ань Сяопин, не прерывая трапезы. — Он в юности на этом старом рынке во всех мясных лавках переработать успел. Каждую точку знает как свои пять пальцев.

В те годы Ань Сяопин хвостиком ходил за другом. Он вспомнил, как четырнадцатилетний Цзян Тинчжоу, уверенно орудуя тяжёлым секачом, пластовал мясо под его восхищённым взглядом. Выглядело это чертовски круто.

— Было дело, — улыбнулся Тинчжоу. — Я ведь и сам когда-то жил в этом районе.

Только теперь он начал понимать, что у старого квартала были свои неоспоримые плюсы.

Здесь всегда можно было найти редкие специи и зелень, за которыми в новых районах пришлось бы побегать. Элитные супермаркеты манили красивыми вывесками, но по-настоящему глубоким вкусом и свежестью их товары уступали лоткам местных торговцев. Жаль только, в детстве, разрываясь между копеечными подработками, Тинчжоу не мог оценить этого гастрономического изобилия.

— Вот-вот! — закивала тётушка Тянь. — Кто поживёт здесь подольше, сразу понимает, что для простой жизни места лучше не сыскать. Мы пару лет назад думали продать квартиру и перебраться в новостройки, но так и не смогли расстаться с нашим рынком. Ведь если подумать, ради чего мы все живём и трудимся? Ради того, чтобы вкусно и сытно поесть в кругу близких.

И это была чистая правда. На столе, помимо дымящихся пельменей, стояли простые домашние закуски. Огурцы и помидоры, выращенные местными дачниками и сорванные лишь этим утром, пахли солнцем и землёй. Их сочная, хрустящая мякоть не шла ни в какое сравнение с «пластиковыми» овощами из супермаркетов и легко могла поспорить по качеству с отборными органическими продуктами, которые Тинчжоу закупал по баснословным ценам для кухни «Императорского пира».

За теплой беседой Цзян Тинчжоу и не заметил, как расслабился. Он уже и забыл, когда в последний раз обедал с таким лёгким сердцем.

Ань Сяопин, который после успешного похудения привык держать себя в узде, сегодня наелся от души. Подперев щеку рукой, он блаженно дремал, пока тишину не нарушил резкий телефонный звонок.

Лениво зевнув, парень достал мобильный, скользнул взглядом по экрану и замер. Он несколько раз перечитал имя на дисплее, словно не верил собственным глазам, а затем осторожно ткнул Тинчжоу локтем в бок.

Собственный телефон Тинчжоу по-прежнему был отключен, отрезая его от внешнего мира. Существовал лишь один человек, который мог догадаться разыскать его через Ань Сяопина. Тинчжоу удивлённо приподнял бровь, увидев имя контакта, и поспешно принял вызов.

— Мама, — тихо произнёс он.

Отойдя в тихий угол двора, Тинчжоу спросил:

— Что-то случилось? Я слышал, тебе нездоровится. Тебе нужно больше отдыхать.

В трубке раздался тихий кашель, а затем послышался мягкий, бесконечно родной женский голос:

— Это я должна спрашивать, Сяо Бао. Как твоё самочувствие? Ты совсем поправился? Я никак не могла до тебя дозвониться, вот и пришлось побеспокоить твоего друга.

Его мать, Цзян Моли, страдала от врождённого порока сердца. Из-за слабого здоровья она годами жила на лекарствах, то и дело слегая в постель, и давно устранилась от семейных дел. Но сына она любила слепо и нежно, до сих пор ласково называя его детским прозвищем.

В семье никто не воспринимал Ань Сяопина всерьёз, а после многолетней размолвки Тинчжоу с близкими даже Лу Байюй ни разу не сталкивался с ним. И только мать помнила, что у её мальчика есть верный школьный товарищ. Она бережно хранила номер Сяопина в своей записной книжке — и это оказалось единственной ниточкой, связавшей её с сыном сейчас.

— Мама, со мной всё в порядке, — мягко успокоил её Тинчжоу. — Пожалуйста, не забивай себе голову. Тебе вредно волноваться, просто занимайся своим здоровьем. Я уже взрослый и во всём разберусь сам.

— Как же мне не волноваться? Ты ведь всегда молчишь, когда тебе плохо, — вздохнула мать. — Это мы перед тобой виноваты... Тебя так несправедливо обидели в ресторане, а я даже не знала, через что тебе пришлось пройти. Сяо Бао, возвращайся сегодня домой, а? Мы так давно не виделись. Я попрошу няню Ван приготовить твои любимые блюда.

Тинчжоу промолчал. После сытного обеда у Тяней мысль о домашнем ужине не вызывала у него ничего, кроме глухого отторжения. Выждав паузу, он сухо повторил:

— Тебе действительно не о чём беспокоиться. Я справлюсь.

Мать тяжело вздохнула, её голос дрогнул от подступающих слёз. Она хотела сказать что-то ещё, но внезапно на том конце провода раздался оглушительный грохот — кто-то с силой распахнул дверь.

— Дозвонилась всё-таки до этого паршивца? Живо дай сюда трубку!

Этот властный, вечно гремящий бас принадлежал отцу, Цзян Ишэну. Тинчжоу мгновенно узнал его и брезгливо отвёл динамик от уха, не желая выслушивать этот собачий лай.

Мать, разумеется, не отдавала телефон. Послышались звуки короткой потасовки, а затем в трубку ворвался яростный рёв Ишэна:

— Ты всё ещё его покрываешь?! Ты хоть понимаешь, какую кашу этот ублюдок заварил в компании?! Семейство Лу уже в курсе! Завтра на совет директоров лично явятся Лу Цзяхэ и госпожа Цинь! Что я им, по-твоему, говорить должен?! Как оправдываться?!

— Но Сяо Бао ни в чём не виноват! — плакала мать. — Он тяжело заболел, а на него

набросилась вся эта свора в интернете! Разве семья Лу может быть настолько несправедливой?!

— Да что ты понимаешь! Не лезь не в своё дело!

Раздался испуганный вскрик матери, сквозь который пробился умоляющий голос Цзян Ю: «Папа, не надо, прекрати!» В следующую секунду трубку, видимо, вырвали из рук женщины, и динамик буквально взорвался криком:

— Цзян Тинчжоу, скотина! Ты что, думаешь, крылья выросли?!

Тинчжоу даже не успел вставить слова, как на него обрушился новый поток угроз:

— Ничтожество, даже с одним рестораном совладать не смог! Чтобы завтра же явился ко мне и перед всеми отчитался! Иначе я с тебя шкуру живьём спущу!

— И что тебе объяснять? Всё ведь и так предельно ясно, — холодно хмыкнул Тинчжоу в едва удерживаемый у уха телефон. — Ты сам палец о палец не ударил, чтобы уладить этот кризис, потому что ты — обыкновенный импотент в делах. Только и умеешь, что брызгать слюной и сыпать дешёвыми угрозами. Ну давай, попробуй, спусти с меня шкуру. Мне даже интересно посмотреть, как ты это сделаешь.

На том конце провода воцарилась гробовая тишина. Цзян Ишэн не верил собственным ушам.

Управляющие из старого ресторана уверяли его, будто Тинчжоу после перенесённой лихорадки стал совершенно другим человеком, но отец лишь отмахивался от этих бредней. Теперь же он лично убедился: к сыну вернулся тот самый колючий, упрямый норов, с которым тот когда-то впервые переступил порог их дома.

Раньше стоило пару раз прижать парня к ногтю, как он становился шёлковым. Что же произошло теперь? Почему все прошлые уроки послушания пошли прахом за одну ночь?

— Да как ты смеешь так разговаривать с отцом?! — взревел Ишэн, задыхаясь от бешенства. — Да я тебя...

Тинчжоу безжалостно оборвал его на полуслове:

— Я даю тебе этот совет исключительно из сыновнего долга: поумерь свой пыл. С твоим давлением так орать вредно — не ровен час, разобьёт паралич. Врачи часто говорят, что гнев разрушает сосуды. Считаю это моим искренним проявлением заботы о твоём здоровье.

В прошлой жизни всё именно так и случилось: всего через пару лет Ишэна разбил инсульт.

Он упорно игнорировал зашкаливающий холестерин и гипертонию, продолжая кутить, несмотря на возраст. Закончилось всё предсказуемо: после очередной пьянки его парализовало. Лучшие клиники оказались бессильны. В итоге грозный глава семейства превратился в жалкий овощ, не способный связать и двух слов — лежал на больничной койке, пуская слюни из перекошенного рта.

Тинчжоу порой думал, что у них в роду просто отвратительная наследственность. В семье не было ни одного по-настоящему здорового человека. Старшее поколение уходило внезапно, сгорая от сердечных приступов за считанные минуты, так что скорая даже не успевала доехать.

Какая ирония судьбы. Цзян Ишэн всю жизнь шёл по головам ради наживы, просчитывая каждый шаг, а закончил свои дни в мучениях под капельницей. Сам Тинчжоу пахал как проклятый, не жалея сил, и заработал лишь внезапную смерть от истощения в тридцать лет. Зато приёмный Цзян Ю — абсолютно чужой по крови, изнеженный и никогда не знавший болезней — оказался самым живучим. Словно сорняк, он пересидел все бури, тихой сапой добравшись до вершины и заграбастав себе всё.

Цзян Ишэн, конечно, и слушать не стал. Он продолжал сыпать проклятиями. Сквозь его крик пробивался истеричный, сорвавшийся на ультразвук голос матери — сквозь рыдания она умоляла мужа не трогать её мальчика. В трубке снова поднялся невообразимый гвалт, а затем связь оборвалась.

Наступила звенящая тишина.

Всего в нескольких шагах от него жизнь текла своим чередом. Члены семьи Тянь, тихо переговариваясь и посмеиваясь, дружно убирали со стола посуду. Тянь Хуэй у раковины шутливо толкала мать плечом, хвастаясь, что с первой же повышенной зарплаты купит ей подарок. Тётушка Тянь для вида ворчала, мол, нечего деньги тратить на ерунду, но сама так и сияла от гордости и счастья. Всё в этой маленькой кухне дышало простым, бесхитростным уютом.

Тинчжоу молча наблюдал за ними. Разница между этим тёплым семейным очагом и тем змеиным гнездом, из которого он вырвался, была шире любой пропасти. С тяжёлым вздохом он вернул телефон другу.

Хотя Тинчжоу и пытался уединиться, в тесном дворике каждый звук разносился мгновенно. Ань Сяопин, уловивший суть разговора, взволнованно спросил:

— С твоей мамой всё хорошо? Может, тебе стоит съездить к ней?

— Всё нормально, — покачал головой Тинчжоу. — У него кишка тонка поднять на неё руку. Можешь мне поверить.

Тинчжоу слишком хорошо знал расклад сил в их доме. Цзян Ишэн только на людях строил из

себя грозного патриарха, а на деле был обыкновенным примакон, явившимся в богатую семью на всё готовое.

Выходец из нищеты, которой не видно конца, он чудом устроился в ученики к знаменитому мастеру Цзяну, хранителю секретов императорской кухни. Особых кулинарных талантов парень не проявил, зато благодаря смазливому лицу и лисьей хватке сумел вскружить голову единственной дочери учителя. Женившись, он без колебаний взял фамилию её семьи, отказавшись от собственной.

Законной наследницей дела всей жизни старого мастера была именно его мать, Цзян Моли. Ей принадлежали сорок восемь процентов акций компании «Пищевая компания Цзян». До того как в бизнес вошёл капитал семьи Лу, её доля превышала восемьдесят процентов, будучи оформленной как неделимое добрачное имущество.

Поскольку Моли постоянно болела, бразды правления фактически перешли к её мужу. Почувствовав власть, Ишэн обнаглел настолько, что начал проталкивать на ключевые посты своих неимущих родственников. Одним из таких «пригретых» прихлебателей и был управляющий Ян Цзиньхао — именно поэтому Цзян Ю почтительно именовал его дядей Яном.

Тем не менее перейти черту Ишэн не смел. Сегодняшняя вспышка гнева была скорее исключением. Матушка Цзян отличалась тихим нравом и слабым телом, но глупой никогда не была. Она давным-давно составила завещание, согласно которому в случае её смерти все активы поровну переходили сыновьям. Ишэну не причиталось ни единого юаня.

По иронии судьбы, именно он больше всех дрожал над её здоровьем, сдувая с жены пылинки. Моли из-за болезни почти не вмешивалась в дела фирмы, но дома жила в полном достатке и почтении.

— Если я сейчас вернусь туда, станет только хуже, — рассудительно добавил Тинчжоу. — Моё присутствие спровоцирует скандал, и мы сцепимся прямо у неё на глазах. Лишний стресс её просто убьёт.

— А как же завтрашний совет директоров? — встревожился Сяопин. — Там-то вам встречи не избежать.

— Завтра на заседании будут присутствовать представители семьи Лу. Перед ними он расшибётся в лепёшку, лишь бы сохранить лицо, так что разыгрывать драму не посмеет. Не бойся. Отец только лает громко, а кусаться боится.

Выглядит как грозный тигр, а внутри — всё тот же трусливый паразит.

Даже Цзян Ю в этом плане вёл себя куда более по-человечески.

По крайней мере, к матери он питал искренние чувства. Моли вырастила его как родного, окружив теплом и заботой, и Цзян Ю никогда не пытался использовать её в своих корыстных играх. Напротив, вся их вражда с Тинчжоу когда-то началась из-за банальной детской ревности: Ю панически боялся лишиться материнской любви после возвращения родного сына.

Тем временем в особняке Цзян буря наконец утихла. Цзян Ю заботливо хлопотал вокруг матери, помогая ей запить лекарство тёплой водой. Цзян Ишэн, глядя на бледность супруги, изрядно струхнул. Он поспешно подошёл ближе, и лишь убедившись, что приступ миновал, облегчённо перевёл дух.

Цзян Моли, преодолевая слабость, медленно открыла глаза. Её осунувшееся лицо было белым как полотно. Посмотрев на мужа в упор, она тихо, но отчётливо произнесла:

— Ты не смеешь так разговаривать с моим сыном.

Ишэн сразу сбавил тон, однако уступать не собирался:

— Он по уши вляпался в грязь и подставил всю компанию! Неужели я даже отчитать его не могу? Будь он хоть на сотую долю таким же послушным и разумным, как Сяо Ю, мне бы не пришлось хвататься за сердце!

Моли устало махнула рукой. В её глазах всё ещё стояли слёзы, но голос звучал на удивление твёрдо:

— Хватит врать, Ишэн. Не держи меня за дуру. Ян Цзиньхао уже приходил ко мне и рассказал всё от начала до конца. И Сяо Бао, и Сяо Ю — прекрасные дети. А вот ты... из-за твоих интриг наша семья трещит по швам. Единственный виновник этого кошмара — ты сам!

Услышав имя управляющего Яна, Цзян Ю внутренне вздрогнул от вспышки страха, но последние слова матери вернули ему прежнее хладнокровие.

«Мама слишком сильно меня любит. Она никогда не поверит, что я тоже приложил к этому руку», — пронеслось в его голове.

Однако следующая фраза Цзян Моли заставила его мгновенно перемениться в лице.

Глубоко и прерывисто вдохнув, она откинулась на подушки и отчеканила:

— Завтра я лично приду на совет директоров. И возьму с собой аудиторов, чтобы они

досконально проверили все твои финансовые махинации за последнее время. Запомни, Цзян Ишэн: наша компания принадлежит моей семье. И ты никогда не будешь здесь полновластным хозяином.

<http://bllate.org/book/19956/1995099>